

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2023.3.206

ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТЕЙ

В. Я. ШИШКОВА

А. С. Ефремов

Тверской государственной университет, г. Тверь

Вопрос о жанровой природе повести, один из наиболее дискуссионных в современном литературоведении, рассматривается на примере творчества В. Я. Шишкова. Акцент делается на произведениях, в которых наиболее ярко выражается ключевая особенность идиостиля писателя – православный взгляд на мир и человека. Отмечаются документальная основа повестей Шишкова, разговорная манера повествования, традиции древнерусской литературы и фольклора, символика, иконическая светопись, своеобразие характеров персонажей. Делается вывод о роли повестей В. Я. Шишкова в развитии христианского контекста русской литературы первой трети XX века.

Ключевые слова: Вячеслав Шишков, жанр повести, христианский реализм, теоцентричность, поэтика, идиостиль.

В системе эпических жанров русской литературы повесть в ее современном виде сформировалась в XIX веке. Одним из первых определить специфику жанра попытался В. Г. Белинский, от которого идет традиция сравнивать повесть с романом: «*Повесть* есть тот же роман, только в меньшем объеме, который условливается сущностью и объемом самого содержания» [1, т. 5, с. 42]; «...повесть – распавшийся на части, на тысячи частей, роман; глава, вырванная из романа» [Там же, т. 1, с. 271]. В этом заключается одна из сложностей в выделении ее жанрообразующих признаков: повесть, «занимая срединное место между романом и рассказом, как бы растворяет свои приметы в их художественных структурах» [7, с. 31]. Как отмечает В. В. Кожин, «в отличие от романа с его стремлением к драматичности и замкнутости действия, сюжета, повесть тяготеет более к эпичности, к хроникальному сюжету и композиции» [3, с. 814]. Однако, несмотря на то что «писатели, критики, литературоведы всегда пытались определить критерии дифференциации повести в ряду других жанров эпической прозы» [2], «повесть до сих пор остается наименее изученным, а потому наиболее дискуссионным жанром» [Там же]; «повесть – один из наиболее популярных и вместе с тем один из наименее изученных жанров русской прозы» [9].

© Ефремов А. С., 2023

На наш взгляд, обращение к творчеству одного из классиков русской литературы, великолепному мастеру слова Вячеславу Яковлевичу Шишкову (1873–1945), позволит внести определённый вклад в теоретическое и практическое изучение жанра повести. Повести Шишкова – заметное явление в литературном процессе. Они оригинально отличаются от других произведений этого жанра, от повестей предшественников и современников. Эти повести самобытны не только своим содержанием, но и стилем, и поэтикой в целом.

Время написания шишковских повестей: десятилетия – начало тридцатых годов двадцатого века. Это время поисков, экспериментов, новаторства в литературе и искусстве. Это эпоха завершения Серебряного века, так называемого русского Возрождения, и начала периода советского, когда преимущественным, господствующим мировоззрением в литературе стал антропоцентризм. Произведения же Шишкова, и прежде всего его повести, и в дореволюционную, и в послереволюционную эпохи мировоззренчески в большей степени восходят к девятнадцатому столетию, то есть к эпохе теоцентризма. В них, как в искусстве «золотого века», особенно как в творчестве Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, поднимаются проблемы православные. Как Ивана Карамазова, многих героев писателя беспокоит вопрос: есть Бог или нет? Именно это и объединяет повести В. Я. Шишкова, именно это и определяет общие моменты их поэтики.

В основе повестей В. Я. Шишкова – экстремальные ситуации; изображенные в них события происходят в необычной для большинства людей, исключительной обстановке: в глухой тайге, в чужом государстве, один на один с разбушевавшейся стихией – с пургой, с морозом, с пожаром. Человек в такой ситуации напрягает все физические силы, чтобы выжить. Однако не проблема выживания в центре повестей писателя. Преодолевая невыносимые физические страдания, борясь с обстоятельствами, герои Шишкова проходят путь воссоединения с Богом, обретения любви Христовой. Поэтому в повестях Шишкова сильны традиции не только произведений «золотого века», но и древнерусской литературы, и прежде всего жанров жития и хождения. Жанр жития был особенно близок писателю, поскольку содержал «наиболее отчетливо выраженную средневековую концепцию человека и тем самым “провоцировал” писателей позднейших эпох к диалогическому переосмыслению агиографических сюжетов, мотивов и образов» [4, с. 13].

И по этой же причине Шишкову удастся типизировать явления, казалось бы, единичные, парадоксальные, увидеть в них общенациональное и общечеловеческое. Например, в повести «Пейпус-озеро» смертельно опасное возвращение нескольких человек на Родину представлено писателем как сопряженное с тяжелейшими нравственными муками, с восхо-

ждением души, как предначертанное свыше – и потому воспринимается как закономерный путь всего русского народа, как духовное испытание во все исторические эпохи, и в нашу тоже. Как отмечает Н.Д. Тамарченко, мотив испытания является одним из ведущих жанрообразующих признаков русской повести серебряного века, «повесть вообще строится на сюжете испытания» [8]. Такое свойство повестей Шишкова сообщает им особую, вневременную актуальность и народность.

В то же время писатель не может не затрагивать остросоциальные проблемы современности. «Движение тысяч», «вихри революции», «бег», эмиграция, положение крестьянства, вопросы экологии, национальной культуры, взаимоотношений человека и природы, семейного воспитания, гражданского и воинского долга – вот содержание его повестей. Однако самые злободневные и самые «текущие», то есть характерные для конкретного времени, вопросы у него получают продолжение в столетиях, имеют выход в вечность. Самое же трепетное и сокровенное чувство – любовь к Родине – поверяется главной чертой нашей ментальности – следованием Христовым заповедям.

Теоцентричная организация повестей, их православная направленность определяет специфику шишковских героев, своеобразие их характеров. Их внутренняя, психологическая коллизия, как и в произведениях Ф.М. Достоевского, происходит от борьбы дьявольского и божеского, злого и доброго. Они постоянно балансируют между тьмой и светом. Устремленностью к свету определяется крепость их нравственного стержня и способность преодолеть внешние, материальные препятствия – и «ледяной погост» Пейпус-озера, и всепожирающий лесной пожар, и бушующий буран, отрезавший от мира, обрекший на одиночество, голод и медленное умирание.

Персонажи Шишкова – преимущественно представители непривилегированных сословий. Они различны по рангу, статусу, достатку, возрасту, физическому состоянию. Но все они – крепкий «таёжный волк» Леонтий Бакланов и тщедушный прасол Червячков, поручик Баранов и денщик Сидоров, Лехман и Дарья и многие другие – оказываются перед выбором, все вступают на путь к Царствию Божию, которое есть внутри каждого из нас. Однако не всем удастся не свернуть с этого пути – поэтому одни, не смилив гордыню, не сумев оторваться от суетного, земного, от вещей и богатства, видят впереди только мрак и погибают (Мокрин, Павел Федосеич), другие совершают христианский подвиг самопожертвования (Сидоров), третьи, под воздействием пережитого, очищаются душой, становятся мудрее и взрослее (Ребров; Андрей и Анна). Образы праведников представлены в повестях «Тайга» и «Пурга». Герои Шишкова – это путники, идущие по жизни, духовные пилигримы, и путь здесь – не в плане географическом или хронологическом, а по вертикали.

Повести Шишкова тяготеют к фрагментарности. Им не свойственно объединяющее, непрерывно развивающееся и усиливающееся в своем напряжении действие – признак, характерный для романа или новеллы. У них нет жёсткой сюжетной линии. Шишковские повести в основном состоят из кусков – картин и сцен, как бы вырванных из памяти повествователя, из потока жизни. Объективно эта особенность в большей степени и характерна для среднего эпического жанра. Объединяющим же началом в повестях Шишкова становится автор (повествователь, рассказчик), причем не столько личность автора, его размышления и наблюдения, сколько авторский пафос. Именно пафос как эмоциональный фон, как выражение эмоционального состояния рассказчика, структурирует произведения, «выдает» позицию самого писателя. Потому и теоцентричны его повести, что не только герои, а иногда и не герои, выражают православное мировоззрение – это мировоззрение выражает прежде всего сам писатель в своем пафосе. Пафос и скрепляет как будто не связанные между собой части. Например, в «Тайге» большая часть повествования – с виду разрозненные эпизоды из жизни Кедровки или отдельных ее обитателей. В «Пейпус-озере» это в большинстве случаев моменты, пережитые Николаем Ребровым. Едино и монолитны лишь главные кульминационные узлы, когда происходит наивысшее напряжение и действия, и эмоций, и духа, когда во гневе и возмущении доходит до апогея разбушевавшаяся стихия. В «Тайге» это пожар, в «Пейпус-озере» это двое суток бегства из Эстонии. Но даже и здесь Шишков не может не остановиться на конкретных переживаниях каждого героя.

Кульминационный узел в повестях Шишкова часто сопряжён с чудом, подтверждающим и обнажающим православный аспект. Чудо именно в евангельском понимании – как чудесная перемена, как чудесное исцеление, чудесное спасение. В «Тайге» неожиданно излечивается Анна, да и не только она – духом исцеляются и другие жители Кедровки, покончившие со старой, грязной и грешной жизнью. Чудо происходит и на Пейпусе, когда «луна жгла холодом», когда обессилевших путников окружила темнота и неизвестность, когда они уже прощались с жизнью. Именно в этот миг писарек Илюшин протер глаза и увидел огни родного берега. Причем божественную природу чудесного понимают и герои, и автор. Прежде чем артель бросилась к заветной цели, вожак Лука приказал молиться, благодарить Бога.

Своеобразны финалы повестей Шишкова. Их общая черта – диалектически оправданная разомкнутость, суть которой можно сформулировать так: повествование заканчивается, но жизнь продолжается. Подобные концы свойственны произведениям с выраженной эпической природой, то есть повести и эпопее. Герои в разомкнутых финалах шишковских повестей оказываются на распутье, перед новым выбором, перед новой

жизнью. Какова будет эта жизнь – праведная или грешная, принесет ли она счастье или же это начало пути к Голгофе, – этими вопросами задаётся писатель в конце повестей «Тайга», «Таёжный волк», «Пейпус-озеро», «Диво дивное» и других.

Повестям В. Я. Шишкова свойственно документальное начало. В основу их ложатся отнюдь не выдуманные истории, а рассказы очевидцев или, что чаще, самих участников описываемых событий. Автор бережно обращался с имеющимся у него материалом, старался не исказить факты, стремился к точности; его персонажи мало чем отличаются от своих прототипов. Эти особенности придают произведениям эпичность, свойственную именно повести. С другой стороны, это же отстранение, это же стремление к объективности особо вырисовывает образ автора, его неприкрытую гражданскую и нравственную позицию, его неравнодушные и к героям, и к изображаемому. Опираясь на документальный материал, автор в таких случаях использует прием, характерный для очерка. Это прием интимизации – следование за героем, разделение с ним его убеждений и взглядов. Заметим, что очерковая манера вообще характерна для А. Малышкина, Вс. Иванова, М. Горького и других современников Вячеслава Яковлевича, обращавшихся в своем творчестве к разворачивающимся на их глазах судьбоносным историческим переменам.

Как известно, жанр повести восходит к устной речи, в отличие от других прозаических жанров, например, от романа, восходящего к речи письменной: «Первоначальное значение слова «Повесть» в нашей древней письменности весьма близко к его этимологии: «повесть» – то, что повествуется, представляет законченное повествование» [6, с. 18]. Устная манера рассказа характерна и для повестей В. Я. Шишкова. Повествование в них ведётся или от имени героя, или через его восприятие. Повествование же от третьего лица близко к речи героев: опираясь на очерковую интимизацию, автор как бы усваивает индивидуальные речевые особенности своих героев. Поэтому писатель активно использует разговорный стиль, в меру и мастерски – эмоционально окрашенную лексику, диалектизмы, профессионализмы, просторечия, библеизмы, окказионализмы. Например, Лука в повести «Пейпус-озеро» обращается к своим спутникам ласково и по-дружески: «братейники»; то есть здесь используется тот же суффикс, что и в названии рассказов писателя: «шутейные».

Шишков нередко прибегает к «рваному синтаксису» – особому синтаксическому строю, опирающемуся на бессоюзные, односоставные, неполные, эллиптические предложения: «Поле идут – цветами поле убрано, – прощайте, цветы! ... Медленно движутся – путь труден. ... Не разговаривают, не советуются, а близко чувствуют друг друга, души их в одну слились. Так легче: не один – вчетвером беду несут. ... Черемуховой зарослью идут –

черемуха белым-бела. Воздухом не надышишься...» [10, т. 1, с. 154.] Такой строй, тоже характерный для очерка и устной речи, сообщает произведениям экспрессивность, создает интонацию доверительности. «Рваный синтаксис», вместе с внутренними монологами и несобственно-прямой речью, является и действенным средством создания психологизма: «Настроение юноши неровное, ухаб на ухабе – взлет и срыв: на бодром общем фоне зияли, как болочие раны, провалы в мрак, и душа его, радуясь, изнывала... Дорога вначале трудная, утробная – к берегам намело сугробы снега, путники взмокли на первой же версте» [Там же, т. 2, с. 129].

Ярко выраженные фольклорные традиции – также следствие устной манеры повествования и своеобразия характеров героев. В повестях Шишкова встречаются пословицы, поговорки, элементы сказок, песен, легенд, сказаний. Как в народных сказках, в роли сказуемого у него нередко выступает инфинитив – и этот синтаксический прием придает повествованию наглядность, живость, динамизм: «И Варвара беспечно запела песню, а собака – выть» [11, с. 357].

Индивидуальной особенностью творческой манеры Шишкова является обращение к снам и видениям как к способу выражения внутреннего состояния героев, как к средству передачи главной идеи произведения. Особое внимание на это обращает В. А. Редькин: «Многие явления изображаются В. Я. Шишковым как бы на грани сна и яви, реальности и галлюцинации» [5, с. 55]. Ирреальное обнажает глубоко спрятанное в душе героя, демонстрирует его страх, сомнения, колебания, его идеалы, его истинные устремления. Таковы, например, сны и видения Дарьи, Анны, Реброва, Павла Федосеича, Касьяна и других.

Неотъемлемой характеристикой идиостиля В. Я. Шишкова является символика, разноуровневая и разнофункциональная. Это символические образы флоры и фауны, предметов быта, стихийных явлений. Это символика цвета и света, иконических образов. Образы-символы взаимодействуют друг с другом, выступают как контекстные синонимы, как антиномии, образуют систему, способствуют созданию художественных приемов и образительно-выразительных средств. Например, мурлыкающий широколобый кот становится символом дома, семейной прочности, уюта: «Возле печки – кот. Щурится кот на огонек лампадки, вот подошел беззвучно к ногам распростертого, трется о подошву сапога, мурлычет» [10, т. 2, с. 190]. Ему противоположен бродячий, потерявший хозяина пёс, символизирующий бездомность, сиротство, неприкаянность: «Навстречу ему култыхает на трех лапах несчастный пес, на шее кусок веревки» [Там же, с. 90].

Санитары-грабители, представшие чудищами с песьими головами и вертящимися хвостами, – это образы адские, апокалиптические: «И здесь, и там – везде обшаривают мертвецов... Потом садятся в угол,

и при живых, нос в нос уткнув собачьи свои морды, делят добычу, как при мертвых... Но собачьи хвосты растут-растут, крутятся, хлещут, они захлестнут его, они задушат. Стра-а-шно...» [Там же, с. 83]. Символизирующие Россию кони, снег, ели, бубенцы образуют прием, похожий на иконический прием обратной перспективы в живописи: «...все перед ним обволакивалось туманом, уплывало в сон, в мечту: вот он, покачиваясь, стремится куда-то вдаль, возница-эстонец гнусит на лошаденку, фольварки, чужое небо, рощи, нерусский снег, Пейпус-озеро. Нет России, и есть Россия, есть: кудряш ямщик присвистнул, гикнул, гривастые кони мчат – бубенцы еле успевают блямкать, мужичьи бороды, мужичьи избы, баба-яга на помеле, мужиковские седые церкви, раздольные снега, скирды неумолоченных снопов и навстречу тройка: “Сын!”» [Там же, с. 107].

Шишков прибегает к светящимся, прозрачным цветовым деталям, зачастую тоже выполняющим библейские функции. Например, зоревой, алый цвет на восточной, русской стороне неба, как на богородичных иконах, обозначает торжественность, державность, подвижничество, готовность к подвигу: «Утро было хрустальное, молочно-голубое. Поблекший месяц дряхлым шаром запутался между черных хвой. На смену ему розовел восток, загорались облака, еще немного – и молодое солнце из далеких русских недр, из-за Пейпус-озера, выплывает месяцу на смену... И юноше захотелось забраться на высокую сосну, чтоб взглянуть туда, в тот милый край, откуда вставало солнце...» [Там же, с. 90–91]. Иконический же черный символизирует неизвестность, тайну бытия.

Шишков создал особый, уникальный тип повести – и значительно обогатил как сам средний эпический жанр, так и литературный процесс в целом.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1953–1959.
2. Головкин В.М. Историческая поэтика русской классической повести: Учеб. пособие. Москва; Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. [Электронный ресурс]. URL: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/65577/chitat_knigu.shtml (Дата обращения: 30.04.2021).
3. Кожин В.В. Повесть // Краткая литературная энциклопедия. Москва: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 5. 1968. С. 814–816.
4. Николаева С.Ю. Древнерусские памятники в литературном процессе (от Г.Р. Державина до Ю.П. Кузнецова): Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. 252 с.
5. Редькин В.А. Вячеслав Шишков: новый взгляд. Очерк творчества В.Я. Шишкова. Тверь: Тверское обл. кн.-журн. Изд-во, 1999. 152 с.
6. Розенфельд Б. Повесть // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 9. Москва: ОГИЗ: Советская Энциклопедия, 1935. С. 18–27.

7. Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / под ред. Б.С. Мейлаха. Ленинград: Наука, 1973. 566 с.
8. Тamarченко Н.Д. Кризис «микромира» в русской повести рубежа веков [Электронный ресурс] // Новый филологический вестник. 2005. № 1 (1). URL: <https://sciup.org/14913959> (Дата обращения: 18.07.2023).
9. Тузков С. Русская повесть начала XX века. Жанрово-типологический аспект: учебное пособие. Москва: Флинта: Наука, 2011. 300 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.litmir.me/br/?b=536307&=1> (Дата обращения: 30.04.2023).
10. Шишков В.Я. Собр. соч. : в 8 т. Москва: Гослитиздат, 1960.
11. Шишков В.Я. Пейпус-озеро. Москва: Современник, 1985. 526 с.

GENRE AND STYLE ORIGINALITY OF V.YA. SHISHKOV'S NOVELS

A. S. Efremov

Tver State University, Tver

The question of the genre nature of the story, one of the most controversial in modern literary criticism, is considered on the example of V. Ya. Shishkov's creativity. The emphasis is placed on the works in which the key feature of the writer's idiosyncrasy is most clearly expressed – the Orthodox view of the world and man. The documentary basis of Shishkov's stories, the conversational manner of narration, the traditions of ancient Russian literature and folklore, symbolism, iconic light painting, the originality of the characters are noted. The conclusion is made about the role of V. Ya. Shishkov's novels in the development of the Christian context of Russian literature in the first third of the twentieth century.

Keywords: *Vyacheslav Shishkov, novel genre, Christian realism, theocentricity, poetics, idiostyle.*

Об авторе:

ЕФРЕМОВ Арсений Сергеевич – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru

About the author:

EFREMOV Arsenij Sergeevich – Postgraduate Student at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2023 г.

Дата подписания в печать: 28.08.2023 г.